

18+

КОНСТАНТИН ПОКРОВСКИЙ

Месяц полярной совы

СБОРНИК СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

Константин Покровский

Месяц полярной совы.

Сборник стихов разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51690375

ISBN 9785449845238

Аннотация

Вместо аннотации. Благодарю за внимание к моему творчеству! Слово – крайне важный, первичный инструмент жизни. Понимание значимости слова, языка, как культуры, как наследия глубочайшего опыта предков, с годами усиливает значимость этого явления. От того все чаще приходится проводить ревизию собственных следов, некогда переданного бумаге. Многие по этой причине было исключено из внимания моего круга читателей. Надеюсь, что каждый сможет найти что-нибудь для своей души. Радости и добра вам!

Содержание

Одинокий след	7
Чему нет оправданий	8
Я остался	10
Залоговские песни	11
«В лощинах талых, зарослях боярки...»	12
«Обнажились теплыми ветрами...»	13
«Сиреневый месяц. Чистое небо...»	14
«Тишина. Лишь штор волненье...»	15
«Грустных песен мне не пой...»	16
На Семинском перевале	17
«На твоих заснеженных равнинах...»	18
«Как пустеют вокзалы провинций...»	19
«Она говорила, что очень хорошо пишет...»	20
«Пустынной улицей, синевой околелой...»	21
«Прогнали стаю черных птиц...»	22
«...Распишись осторожно поцелуем на мне...»	23
«Октавой и солью, медью и храмом...»	24
«Никогда, никогда я тебе не скажу...»	25
«Скребется холод в мою дверь...»	26
«Месяц уходит полярной совы...»	27
Роза, покидаю	28
«Пройдись, мой друг, коль мне не удастся...»	29
«Дни укладываются в темные коробочки:	30

с 17 до 7...»

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Месяц полярной совы
Сборник стихов разных лет
Константин Покровский

© Константин Покровский, 2020

ISBN 978-5-4498-4523-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одинокий след

Грустен сад. Березы замолчали,
Ветви опустили до земли.
О столь многом мы мечтали,
Объясниться не смогли.

Плащ осины не дрожит,
Беден сад нынче листвою,
Каждый куст здесь душу ворошит
И как я грезит тобою.

Ты не та теперь. Пропало...
Как с черемух оборвался цвет.
Просто мне пустыни мало
И топчу здесь одинокий след...

Чему нет оправданий

За пределами мечтаний,
За пределами всех лун
Место есть для оправданий,
Там льются песни алых струн.

Струн цвета зреющей зари,
С которой ночка на свиданье
Не поспеваает хоть умри,
Ну а тому есть оправдание.

Там тишина вечерних лип
За все простить тебя готова,
Там диск луны на лужах хлип,
Но оправдание сему есть снова.

Есть снова в утреннем потоке
Брызги слов на крыльях птиц.
Они поэтом пойманы на строки,
Тут оправданий – в тысячу страниц.

Вот только в этой тысяче страниц
И в окнах миллионов зданий
Слезам детей с заплаканных ресниц
Не нашел я оправданий.

Я остался

Я остался, я остался,
Кленом зе'ленным назвался.
Я остался, я распелся,
Полям золотым оделся.
Не терялся, не терялся,
Русь моя широкая!
Я зарей с тобой купался,
Ночка черноокая.
Ты не думай, не забыл
Я твои напевы,
Меня в зиму снег укрыл
Русский, самый белый.
Я с тобою, я с тобой
И в рассветы тихие
Унесут меня с собой
Кони твои лихие!

Залоговские песни

Не разучился я петь на мотивы
Проселочных дроз и вихры
Струящейся конской гривы,
По-прежнему, очень добры.
Мне так же нравится вечер
В комарьих звонках и малине
Заката над озером, встречи
Луны в росой долине. '
Я выдохну воздух, что струи
Травы под косой упадут,
Запах кожаной сбруи
У меня никогда не скрадут.

«В лощинах талых, зарослях боярки...»

В лощинах талых, зарослях боярки
Вплетает вечер новую тесьму,
Местами замечаются подарки —
Мать-и-мачехи по желтому письму.

Неба край в багровой тишине
Разливает пьяный запах мира,
Станут плакать звезды в вышине
Бирюзовым волшебством эфира.

Еще видны макушки мятых рощ,
Но колыбельная уже тушует даль
И словно майский морозящий дождь
Спускают сумерки дразнящую вуаль.

«Обнажились теплыми ветрами...»

Обнажились теплыми ветрами
Сине-черные спины бугров,
Уж не ступит мягкими ногами
Белый бархат, строгий покров.

Пестрых крыльев степь не раскрывала,
Как ушла под белый дым снегов
И душа моя истосковалась
По дурману твоему цветов.

Разлюби клубящиеся дали,
Под березой уложив свой нрав,
И морозов долгие печали
Залечи скорее медом трав.

«Сиреневый месяц. Чистое небо...»

Сиреневый месяц. Чистое небо.
Вечер. Декабрь. Мороз.
Умолкла река, хрустальная дева,
На ваш не ответив вопрос.
Вот снова зима и все так понятно,
Ложатся туманы всерьез.
Что осенью было, ушло безвозвратно,
И в окнах лишь сад снежных роз.

«Тишина. Лишь штор волнение...»

Тишина. Лишь штор волнение
Чуть заметное: остались сквозняки.
О тебе мне новое виденье
Было, я ходил на родники,
Хватал воды в томлении горстями,
Умывался, верил в чудеса,
Черно-белыми стучалися гостями
Дни в окно, и стыли небеса.
Падал снег, в саду скамья пропала
И тропинка поросла пургой...
А свеча моя все догорала,
Как мечта увидеться с тобой.

«Грустных песен мне не пой...»

Грустных песен мне не пой,
Не сори листвой напрасно
Расстаемся мы с тобой,
Нам дороги – разные.

И молчать не смей ты тоже,
Не снимай грачей с полей,
Думай лучше, что прохожий
Я в стране чудной твоей.

Подари мне ночь погуще
И пусть дремлет страж твой клен,
Ухожу как дождь за тучей
Безнадежен и влюблен.

На Семинском перевале

Призрачно туманен перевал.
Спросонья даже тропки под следы
Не попадают и к стеклу припал
Автобуса щекой дождливый дым.

Как будто дальше мира нет.
Турбаза исчезает в сером мраке.
Быстрый ход в Солнечной планет
Не видел: мы прошли на белом яке.

Кедра царство, вежливость богов,
Сказал б и центр есть, и – край.
Растет река без берегов,
Слышит душа как дышит Алтай.

«На твоих заснеженных равнинах...»

На твоих заснеженных равнинах
Не слышать музыки иной,
Потерявшийся в руинах,
Ветер запекает вой.

Застыло все, вот и равновесье.
Круг судьбы кружился и пропал,
А в стеклянном поднебесье
Улыбался месяца овал.

Я боюсь заснеженных равнин,
Абсолютной чистой белизны,
Не рисуй ты мне таких картин,
Не показывай такие сны.

«Как пустеют вокзалы провинций...»

Как пустеют вокзалы провинций,
К вечеру твои глаза необитаемы.
Стаями, стаями, стаями
Мысли спешат удалиться.
Я могу все это представить.
Знаю, как разбивается крепость.
Знаю также времени верность
К боли любой. Но составить
График болезни, унынья
Разве можно? и я вот спешу
Определить по карандашу —
От чего горечь полынья
В бокале, что ты поднесла?
От чего нет им числа
Грустным птицам, что ты принесла,
Играя в больного посла?

«Она говорила, что очень хорошо пишет...»

Она говорила, что очень хорошо пишет.
Но я так и не разобрал ее почерка.
И слишком породистая теперь лижет
Виски – собака – все по черту...
И это не дрожь, а остатки тебя
Просвечиваются, ситец портя души.
Напиши – я жив, заставь себя,
Запятой меня не души.

...Хотя чайки, единственные в этот сезон
Птицы поющие, сливаются с небом,
И я спокойно топчу газон,
Увлажненный последним снегом.
Т.е., если и было что-то для чтива,
То выгорело, выцвело по кусочку.
«Было» – всегда звучит красиво.
От того и не просто ставить точку

«Пустынной улицей, синевой околелой...»

Пустынной улицей, синевой околелой
Вдаль за край, куда-нибудь в море
Уходит луна дикостью белой,
Одинокостью, болью, горем.

Так страшно, что нужно на улицу выйти,
Чтоб не стать тем, что забыли,
Звезды запомнить, увидеть, выпить,
Чтоб стать звездной, если и быть – пылью.

«Прогнали стаю черных птиц...»

Прогнали стаю черных птиц,
Вещали осени финал
И шум бездарнейших певиц
Покинул мерзнувший причал.
Все холода...
Морозы, синь и по утрам
Так странно взгляд кидать туда,
Где грань подарена ветрам.
Осенний шум,
Бал быстрых перемен,
Так много дум
И ничего взамен...

«...Распишись осторожно поцелуем на мне...»

...Распишись осторожно поцелуем на мне
и тогда, возможно, на моей седине
сквозь все, как огромный вздох,
колыхнется слеза
и ты увидишь, как смотрит Бог...

«Октавой и солью, медью и храмом...»

Октавой и солью, медью и храмом
Нарекается быть белый простор
Бумажного кителя, рубленным шрамом
Боев каждодневный расписанный вздор.

Но пылает здесь весть, в ресницах дрожа,
Как слеза, запечатав бессрочно
Послание надежде, где слова – сторожа,
Душу смиряют построчно...

«Никогда, никогда я тебе не скажу...»

Никогда, никогда я тебе не скажу
Что внутри запеклось каплей страха.
За крепкой стеною часто брожу,
Где крылья не делают взмаха.

Не усну, чтоб не вымолвить коды,
На свету не увидишь слезы ты,
Дитя пасмурной стал я погоды,
Кем-то высланный, кем-то забытый.

Я давно загрубел на ветру,
Его солью пропитан мой плащ,
И скрепит как телега вертлуг,
И твой голос цитирует плач.

Ненавижу сопли, все это!
Этот бисер в тело не вшить,
Не нужна мне такая сюита,
Одно слово кричите мне – жить!

«Скребется холод в мою дверь...»

Скребется холод в мою дверь.
Я запираю все засовы.
Что мне жертвовать теперь?
Я ночью стал, во мне лишь совы.

Есть признание: скрыл тепло,
И отчет – хватал темна...
Что ж, возможно повезло,
Что совы прячут имена...

Оглянуться страшно было:
Как метель душа рвала,
Грусти след крылом закрыла,
В ночь полярную звала.

Когда душа откроет утро,
В ресницах солнечных лучей,
Откровение будем мудрым...
Что с этой ночи ты ничей.

«Месяц уходит полярной совы...»

Месяц уходит полярной совы,
Не замечаю, как губы кусаю...
Я сын, так случилось, сплошной синевы,
Кто ты, я боюсь, не узнаю.

Страшусь не загадки, не мерцаний звезды,
Ни шагов незнакомых по снегу,
Я боюсь, что окажешься именно ты,
Той, кто ложному вернется следу.

Я так вдруг обнаружил – утихли втера,
Пытавшие грудь на прочность.
И жизнь началась только вчера,
Одолов наших мыслей неточность.

Мне ль сторожить таянье лун?
Я по ночи отправлюсь, как свой,
И даже звон резкий лопнувших струн
Не свяжет в пути за тобой.

Роза, покидаю

Вечность за порогом.
Сиплый голос розы.
И ночь во фраке строгом,
Как на балу у прозы.

Слово – снова ключ
К другому будет слову.
Роза! Хочешь, мучь!
Я петь, ты выть лишь снова.

Вечность. Выпить вечность.
Бокал поднят, в руках он!
Роза, бессердечность —
Вопрос таскать все «как он?»

Роза, покидаю
Твой край забитых душ.
Забуду. Потеряю.
Ни враг, ни раб, ни муж.

«Пройдись, мой друг, коль мне не удастся...»

Боровых М.

Пройдись, мой друг, коль мне не удастся,
По заспанным сугробам молодым
За речкой, что уже не вьется
И даже не пускает дым.

Ранним утром, часом синим,
Под далекий треск сорок
Стеблей полыньих слабый иней
Собьется шагом твоих ног...

Глубоко вдохни прозрачность,
Тонких струй, бодрящий холод,
Зимы хрустальной новобрачность,
Прими, родной, и тройки повод

Поймай резвистой вороной,
Веди, мой друг, держи упрямо
Ее чудесной стороной!

«Дни укладываются в темные коробочки: с 17 до 7...»

Дни укладываются в темные коробочки: с 17 до 7.
Небо – не то морфий, не то – огромная спальня.
Здесь если голубое, то обязательно до' сени,
И если тишина, не значит – читальня.

«

Здесь, вообще, всегда – окружность. Либо угол.
Потому как впереди граница, а сзади – смысла нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.